

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

ТРОПЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА: МЕТОНИМИЯ И СИНЕКДОХА

А н н о т а ц и я . Основная цель исследования – анализ тропеических контекстов, выбранных из стихотворного наследия Феофана Прокоповича, одного из главных реформаторов русской словесности Петровской эпохи, в аспекте соответствия его поэтической практики и риторической теории, представленной в трактате «De arte rhetorica libri X». Изучаемый материал – метонимии и синекдохи, используемые Феофаном Прокоповичем в 24 стихотворениях, вошедших в академическое собрание сочинений. В качестве основных процедурных приемов исследования используются функционально-описательный, лексикографический, контекстуальный, сопоставительный методы. В результате автор приходит к выводу о достаточно высокой активности метонимических переносов в лирике Феофана Прокоповича и его значительном, но долгое время остававшемся недооцененным вкладе в развитие русской поэтической фразеологии. Трансформация исходного значения совершается часто по принципу ассоциативного сближения места и его обитателей, части и целого, единичного и множественного, отвлеченного свойства и его конкретного проявления, что характерно для узуальных метонимий и синекдох. Феофан применяет свойственные библейским и летописным источникам переносы по смежности (*рог – сила, щит – защита*), а также индивидуализирующие его авторское лицо метонимические перифразы, гипаллаги (смещенные, метонимические эпитеты), символизацию на основе смежности мифонима и абстрактного понятия (*Марс – война, Аполлон – искусство*). Полученные результаты являются основой для дальнейшего изучения поэтической практики поэтов Петровской эпохи и послепетровского времени, оказавших важное влияние на становление поэтики российского барокко (предклассицизма) и классицизма, а также для развития исследований в области диахронической риторики русской лирики как системы тропов и фигур речи, применяемых поэтами в процессе реализации художественного замысла.

К л ю ч е в ы е с л о в а : поэтика барокко, предклассицизм, троп, фигура речи, метонимия, синекдоха, русская поэзия первой половины XVIII века

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева Н. В. Тропы в стихотворениях Феофана Прокоповича: метонимия и синекдоха // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087

ВВЕДЕНИЕ

Роль Феофана Прокоповича в языковых и культурных баталиях Петровской эпохи и раннего послепетровского времени остается до сих пор недостаточно полно и ясно очерченной. С одной стороны, Прокоповича обычно называют одним из основателей российской школы стихотворства и реформаторов литературного языка Петровского периода. С другой стороны, речевые, стилистические и риторические устремления впитавшего лучшие традиции Киево-Мо-

гилянско-го коллегиума (позднее – академии) церковного и государственного деятеля, к сожалению, не реконструированы в полном объеме, так как лингвистических трудов, подобных грамматикам «славянского» языка Лаврентия Зизания или Мелетия Смотрицкого, Феофан не оставил, а источниками, позволяющими прояснить теоретические воззрения Прокоповича, могут служить только «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X», прочитанные им в Киево-Могилянско-й академии на латыни как курсы лекций между 1705 и 1707 годами¹. Известные первоначаль-

но только в списках и долгое время не публиковавшиеся, эти трактаты между тем широко использовались в процессе преподавания церковного красноречия в духовных училищах России. Как отмечает С. А. Кибальник,

«на эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в.» [6: 205],

в том числе и М. В. Ломоносов. Изучение поэтического творчества Феофана Прокоповича представляется также важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности, в силу того что теоретические воззрения того или иного автора и осуществляемые им преобразования языка и слога разворачиваются прежде всего в области художественно-риторической практики².

Исследователи уже указывали на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория*, тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое [4], [13]. По нашим наблюдениям, наиболее активно применяемыми Феофаном Прокоповичем в «Епиникионе» (единственном напечатанном при жизни проповедника поэтическом опусе) являются метафора (в том числе метафорические перифраз и эпитет) и повтор [8], [9]. В данной работе мы сосредоточим свое внимание на метонимиях и синекдохах, гораздо более редко включаемых в качестве материала в лексикографические издания (см. в качестве примера словарь [7], фиксирующий только сравнения и метафоры в русской поэзии классического периода) и научные разборы переносных значений в поэтическом дискурсе.

Основным материалом данной работы служат стихотворения Феофана Прокоповича, извлечения из его трактатов по риторике и поэтике, а также вокабулы «Словаря русского языка XVIII века», содержащие иллюстрации из ораторских и художественных произведений петровского сподвижника.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В трактате Феофана Прокоповича «De arte rhetorica libri X» находим обязательный, согласно установившейся с античных времен традиции для сочинений подобного рода, раздел об элок-

венции, то есть подробное представление ораторских приемов (около 70 тропов и фигур речи³). С точки зрения своего предназначения (функции) риторические приемы разделяются на три группы: 1) служащие для «поучения»: участвующие в описании, создании портрета «характеризм» и «гипотипоза»⁴, а также «этология» – «нравоописательной речи»⁵; 2) способствующие «услаждению» речи⁶: метафора, метонимия, синекдоха, «гомэоза» (сравнение), перифраза, аллегория, «антономасия», «оксиморон», паронимасия, антитеза, «диафора» (вид повтора), «метатеза» (хиазм), «гипербат» (инверсия), «диализа» (бессоюзие) и пр.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний»⁷: гиперболо, «климакс» (усиление, восходящая градация), «просопопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), сарказм, «полисиндетон» (многосоюзие) и др. В «De arte poetica» Прокопович разделяет фигуры речи (в том числе тропы, как он сам уточняет) на две группы: «словесные» (из которых «главные – метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, металепис, повторение, удвоение, многосоюзие и присоединение»⁸) и «смысловые» (аллегория, перифраза, гиперболо, олицетворение и др.).

Метонимии Феофан предписывает

«поставление имени вместо имени; например, когда именем автора обозначаем его произведение или обладаемый предмет именем обладателя; или же под содержанием понимаем содержимое, под действием – самого исполнителя»⁹.

Синекдоха рассматривается в списке тропов на девять позиций ниже метонимии (в то время как в современных работах по лексической семантике и словарях синекдоха понимается как разновидность метонимии¹⁰) и проявляется, «когда ставится часть вместо целого или целое вместо части; понимается либо один из многих или из одного многие»¹¹, а также как «род вместо вида»¹² (определение из трактата «De arte poetica»).

Согласно рекомендациям Феофана, применение риторических средств регламентируется прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с авторским замыслом, содержанием и композицией текста. Из трех выделенных групп каждая демонстрирует тяготение к «возвышенному», «среднему» («цветистому») или «низменному» стилям: так, приемы первой группы встречаются в «возвышенном» и «цветистом» стилях, когда требуется «описывать что-либо»; тропы и фигуры второй группы не следует ис-

ключать из области высокого и «низменного» стилей, а третьей – из «низменного»¹³.

В связи с приведенными дефинициями, классификационными рубриками и рекомендациями «De arte rhetorica libri X» по употреблению тропов представляется важным проследить, насколько часто и в каких жанрах сам Феофан как автор руководств по поэтике и риторике использует переносы по смежности, а также соответствует ли метонимическое словоупотребление Прокоповича отраженной в «Словаре русского языка XVIII века» норме эпохи.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Стихотворения Феофана Прокоповича, насыщенные эпитетами, метафорами и аллегориями, включают немало примеров метонимических переносов. Наиболее частым из них оказывается известный языковой системе и узусу перенос топонима на обитателей данной местности (страна → ее народ/-ы), в частности *Россия* → *россияне*: ... *свей дерзкий силою своею Успе храброй России, борясь со нею...* (212)¹⁴; *Что в дар твоя Россия принесет и кия Воспоет пѣсни?* (213); ... *Россия весела и рада...* (217). Пространственная семантика часто порождает ассоциации по смежности и для нарицательного наименования локуса, например, «граница → пространство, заключенное в эти границы»: ... *предѣлы хранити...* (213); или «город → его жители»: *Совосплещут градове...* (213). Пространство мира горнего ассоциируется с Богом и верой православной, например, в элегии «Плачет пастушок в долгом ненастьи» 1730 года: *милость прецедра небес ясных...* (216).

Еще одна типичная для узуса метонимия, используемая и Феофаном, связана с переносом наименования природного материала на изделия из него, как в эпиграмме «К тѣмжде»: *Сѣеш сребром...* (221).

Абстрактное метонимическое значение, сформировавшееся по ассоциации с исходным отвлеченным или конкретным смыслом, находим в Феофановой «песне победной» у лексем *крепость*¹⁵, *щит*¹⁶ ('защита'), *рог*¹⁷ ('сила, крепость, могущество'), *род*¹⁸ ('народ, нация, соплеменники, сородичи'), *церковь*¹⁹ ('вера'): *Коликыя zde врагом возрасташа роги...*! (213); ... *дати крепость и щит нерушимый...* (210); ... *церковь попрасти...* (209). Подобные значения у слов *щит* и *рог* фиксируются неоднократно в «высоких» песнях-одах, кантах и посланиях Феофана к императрице Анне (помимо «Епиникион...»), «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино», «Всяк себе в помощь

вышняго предавый...», «Прочь уступай, прочь»): *А вознесет бог Силы твоей рог...* (218); *Да всегда щит твой Россия имѣет...* (219); *Ты мой заступник, ты мой и щит твердый...* (224). Эти метонимические словоупотребления обнаруживаются в библейских и иных церковнославянских источниках и не являются, разумеется, окказиональными – см., например, для лексемы *рог*²⁰. Предметно-конкретные значения слов *щит*, *крепость*, *рог*, *церковь* как неотъемлемых атрибутов соответствующих качеств и процессов, смежных с ними, уместнее, на наш взгляд, рассматривать как мотиваторы метонимических переносов, хотя вполне возможно для иных контекстов и толкование семантических трансформаций этих имен в качестве метафорических моделей (см., например, для слова *крепость* в позиции предиката при субъекте Бог в «Великих Минеях-Четиях»: *Ты еси боже крѣпость наша...*²¹).

Метонимический перенос нередко обуславливается использованием абстрактного существительного в форме множественного числа, что свидетельствует о влиянии формообразования на семантику лексемы. Так, известное старославянскому языку прямое значение слова *молва* 'ропот, выражение неудовольствия' при употреблении во множественном числе получает смысл 'факты проявления недовольства: восстания, мятежи, бунты и т. п.', возникающий в результате конкретизации отвлеченной семантики в направлении «состояние → конкретное его проявление»: ... *молвы... восташа...* *Укроцевати молвы...* (213) – контексты из «Епиникион...» 1709 года. Отвлеченное существительное *сила* получает переносный смысл 'войско, воинство' также при употреблении как в единственном, так и во множественном числе в песне «За Могилою Рябою» 1711 (?) года: ... *российския силы... заgrimѣли... поганская сила... зашумѣла...* (215).

Интересны метонимии, возникающие при переосмыслении прецедентных имен античного и христианского тезауруса, мифологических персонажей в качестве культурных знаков (Аполлон, Парнас – символы искусства, Марс – войны и пр.): *Да страшный там Марс жѣстокий grimѣл...* (214); *Во всю ночь там Марс шел дикий.* (215); *Объемлет тебя Апполин великий...* (217); *О тебѣ поют парнасские лики...* (217). Таким образом, метонимизация мифонимов ярко доказывает, что перенос по смежности оказывается важным средством символизации мира. По этому поводу Феофан в своей поэтике замечал, что поэту, прибегая к вымыслу, не следует смешивать имена языческих божеств и христианского Бога и

«обозначать именами богов доблести героев; пусть поэт не говорит “Паллада” вместо мудрости, “Диана” вместо целомудрия, “Нептун” вместо воды, вместо огня – “Вулкан”; их имена можно употреблять лишь метонимически»²².

К метонимическим перифразам Феофан прибегает в переложении псалма и канте («Всяк себе в помощь вышняго предавай...», «О суетный человец, рабе неключимый...») в связи с мотивами божественной истины и заступничества, неумолимого хода времени и смертного часа: *Велит бо своим слугам велелѣпнымъ стрещи тя вездѣ окомъ неусыпнымъ. Слыши самого неложное слово...* (224); *А незапно день послѣдний Разрушит твой живот бѣдний. И в той час темный Пойдешь в ров земный И в прах твой наслѣдний...* (225) – в основе перифрастических оборотов здесь лежат ассоциации в направлении инструмент (око, произнесенное слово) → процесс (о постоянном, внимательном надзоре – ср. с *недреманное око*; об изречении истины), время → вечность (час, день в сравнении со смертью); часть → целое (вырытый для захоронения ров, могила как часть земной поверхности) или, напротив, целое → часть (тело усопшего, с одной стороны, и его недолговечные останки – с другой).

Некоторые Феофановы контексты подтверждают тяготение поэтического дискурса к метонимизации имен прилагательных – например, в послании «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры» 1730 года, посвященном литературным успехам Антиоха Кантемира: *мир... гнѣвливыи... перомъ смѣлим...* (217). В этом случае атрибутом, приписываемым в узусе лицу, при олицетворении явления или генерализации признака наделяется неодушевленное либо собирательное понятие²³.

К синекдохе Феофан прибегает в «Епиникионе» для создания перифрастического образа поэзии, трансформируя ассоциацию по оси смежности «поэзия, песнопение → лира, “орган рифмотворческий”, “ветийские уста”»: *...наипаче ныне нам желати Достойт многих устен, ибо ниже златый Орган рифмотворческий воспети довлеет Нашей ныне радости, ниже что успеет Ветийских устен слово...* (209).

Антитеза русского и вражеского (шведского) воинства подчеркивается использованием синекдохи, основанной на назывании части вместо целого: *...моя... десница со Петром на брани Будет...* (210); *...кий лик будет равный Сей побѣдѣ?* (213); *И погрузи во крови главы прокля-*

тыя... (209); *...ожесточи тогда Сердца супостатския...* (210).

Синекдоха реализуется Прокоповичем в «Епиникионе» и песне «За Могилою Рябою» также при употреблении форм единственного числа в значении собирательной, нерасчлененной множественности: *...егда уже бѣше Внутр отчества супостатъ свирѣпий и дивый...* (209); *Падесея супостатъ нашъ лютой!* (210); *Укри трупъ свѣйский поле...* (210); *Пришол турчинъ многолюдный...* (215).

Синекдоха формирует выразительные риторические обращения, в том числе в акте автокоммуникации – например, в шуточных стихах «на случай» «Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму» 1735 (?) года и в эпиграмме «Рѣчь господня к рабу малодушному» (? года): *...ты, о бородушка, залучил солодушка...* (222–223); *О сердце трепетное! Перестань дрожати...* (224).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, Феофан Прокопович следует в своем творчестве рекомендациям собственных трактатов по риторике и поэтике, разумеется, зиждущихся на античной традиции, согласно которым метонимия и синекдоха относятся к «главным» «словесным» фигурам речи (тропам), служащим для ее «услажения» и применяемым как в «возвышенном» и «цветистом», так и в «низком» слоге поэзии. Разнообразные метонимические трансформации находим у Феофана как в торжественной оде-песне (по другой точке зрения, малой эпической поэме) «Епиникион», кантах (переложениях псалмов) и посланиях императрице Анне, так и в фольклорно-песенных стилизациях, шуточных стихах «на случай» и эпиграммах, где, например, метафорическая палитра, в сравнении с одой, представлена очень ограниченно.

Наряду с применением и пополнением словаря метонимий и синекдох, Прокопович прибегает к расширению синтагматического потенциала перифраз и эпитетов, применяя прием переноса значения атрибута путем семантико-синтаксического смещения, когда признак приписывается не тому предмету, с которым связан привычной ассоциацией, обусловленной объективными логическими связями между объектами в окружающем мире.

ВЫВОДЫ

Метонимии и синекдохи Феофана Прокоповича в большей своей части являются узу-

альными, соответствуя известным языковой системе направлениям переносов по смежности места и находящихся на нем лиц, материала и изделий из него, целого и части, единичного и множественного либо собирательного понятий, абстрактного и его конкретных проявлений. Прокопович также использует известные летописным и библейским источникам метонимии, привлекает античные образы, то есть опирается на традиционную топику. Окказиональные метонимии и синекдохи появляются у него в пери-

фразах, риторических обращениях и при создании эпитетов-гипаллаг.

Таким образом, качественный и количественный спектр пространственных и ситуативных метонимий, синекдох, метонимических перифраз и эпитетов-гипаллаг в разножанровых стихотворениях Феофана доказывает богатство слога ранних русских поэтов эпохи барокко и силлабики, что в будущем могло бы стать материалом для создания баз данных и лексикографических изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обстоятельная характеристика трактатов Прокоповича представлена, например, в работах: [5], [12].
- ² Ср. с замечанием А. А. Алексеева: «Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем “реформа Ломоносова”, заключено не в его “Предисловии о пользе книг церковных” 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» [1: 187].
- ³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 235 и др.
- ⁴ Там же. С. 237.
- ⁵ Там же. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 251–259.
- ⁷ Там же. С. 259–267.
- ⁸ Там же. С. 410.
- ⁹ Там же. С. 257. Примечательно, что «Словарь русского языка XVIII века» в вокабуле МЕТОНИМИЯ предлагает в качестве иллюстрации толкование орфоэпического варианта «меонимии», данное Феофаном в сочинении «Розыск исторический, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии понтифексами или архиереами многобожного закона...», изданном в Санкт-Петербурге в 1721 году: «МЕТОНИМИЯ 1746 (меоо- 1721, -нвм- нач. XVIII в., -иа 1721) <...>. Гр. μετωνυμία. *Лит.* Фигура, или образ рѣчи, гречески Меонимиа нарицаемый ... заимствование имени. Пркп. Понтиф. 34» (<https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/13/slc15912.htm>).
- ¹⁰ См., напр.: «Синекдоха – это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними...» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 461). В. П. Москвин называет синекдоху «метонимической фигурой» (Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: общая и частная классификации: Терминологический словарь. 2-е изд., существ. перераб. и доп. М.: URSS: Ленанд, 2006. С. 692). Г. Г. Хазагеров, приводя латинские (*трансмутация, интеллектция*) и древнерусский (встречающийся у Софрония Лихуда, например, термин *сопрятание*) аналоги древнегреческому по происхождению слову *синекдоха*, называет ее «тропом смежности, видом метонимии, основанным на соотношении целого и части» (Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 277).
- ¹¹ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг... С. 259.
- ¹² Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 352.
- ¹³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг... С. 268.
- ¹⁴ Здесь и далее цифра в скобках за стихотворным контекстом означает номер страницы по изданию: Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
- ¹⁵ Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. 3. Стлб. 1034 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10111/#page/1/mode/1up> (дата обращения 12.04.2024).
- ¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. Стлб. 1611.
- ¹⁷ Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. 5. Стлб. 151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10111/#page/1/mode/1up> (дата обращения 12.04.2024); Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. С. 583.
- ¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка... Стлб. 137.

¹⁹ Там же. Стлб. 1446.

²⁰ См., напр.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)... С. 583; Словарь старославянского языка. Репр. изд.: В 4 т. Т. 3. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 641.

²¹ Пример привлечен из работы [2: 86].

²² Прокопович Феофан. Сочинения... С. 403.

²³ Подробнее о метонимических переносах в сфере имен прилагательных см., напр., в работах: [3], [10], [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. 476 с.
2. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014. 496 с.
3. Бирих А. К. Метонимия прилагательных в современном русском языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1987. Вып. 1. С. 62–74.
4. Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014. 444 с.
5. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. 209 с.
6. Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.
7. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / Отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Вып. 1–5. М., 2000–2017.
8. Патроева, Н. В. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86.
9. Патроева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118.
10. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 3–12.
11. Сандакова М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филологические науки. 2004. № 3. С. 106–112.
12. Соколов А. Н. О «Поэтике» Феофана Прокоповича // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 443–449.
13. Копаниця Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 37, ч. 1. С. 156–161.

Поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

TROPES IN THE POEMS OF FEOFAN PROKOPOVICH: METONYMY AND SYNECDOCHE

Abstract. The main aim of the study was to analyze trope contexts selected from the poetic heritage of Feofan Prokopovich, one of the main reformers of Russian literature in the Peter the Great's era, in terms of consistency between his poetic practice and rhetorical theory presented in the treatise "De arte rhetorica libri X". The material under study comprised metonymy and synecdoche used by Feofan Prokopovich in 24 of his poems included in the academic collection of his works. The research methods included the functional-descriptive, lexicographic, contextual, comparative analyses which served as the main procedural research devices. As a result, the author comes to the conclusion that there is a fairly high activity of metonymic transfers in the poems of Feofan Prokopovich, who made a significant contribution to the development of Russian poetic phraseology, which has remained underestimated for a long time. The transformation of the original meaning is often carried out according to the principle of associative approximation of a place and its inhabitants, a part and the whole, the single and the multiple, an abstract property and its concrete manifestation, which is typical for conventional metonymy and synecdoche. Prokopovich uses transfers by contiguity, which were characteristic of biblical and chronicle sources (*horn – strength, shield – protection*), as well as metonymic periphrases, hypallages (displaced or metonymic epithets) that personalize him as an author, and symbolization based on the contiguity of a mythonym and an abstract concept (*Mars – war, Apollo – art*). The findings form the basis for the further study of the poetic practices of poets of the Petrine and post-Petrine eras, who had a significant influence on the formation of the poetics of Russian Baroque (pre-classicism) and classicism. The findings can also be used for advancing research into the diachronic rhetoric of Russian lyric poetry as a system of tropes and figures of speech used by poets

in the process of realizing their artistic concepts.

Key words: Baroque poetics, pre-classicism, trope, figure of speech, metonymy, synecdoche, Russian poetry of the first half of the XVIII century

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Patroeva, N. V. Tropes in the poems of Feofan Prokopovich: metonymy and synecdoche. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Essays and sketches on the history of the literary language in Russia. St. Petersburg, 2013. 476 p. (In Russ.)
2. Balashova, L. V. Russian metaphor: past, present, future. Moscow, 2014. 496 p. (In Russ.)
3. Birikh, A. K. Metonymy of adjectives in modern Russian. *Leningrad State University Journal*. 1987;2(1):62–74. (In Russ.)
4. Buranok, O. M. Feofan Prokopovich and the historical and literary process of the first half of the XVIII century. Moscow, 2014. 444 p. (In Russ.)
5. Vompersky, V. P. Stylistic doctrine of M. V. Lomonosov and the theory of three styles. Moscow, 1970. 209 p. (In Russ.)
6. Kibal'nik, S. A. The Rhetoric by Feofan Prokopovich. The XVIII century. *Collection 14: Russian literature of the XVIII and the early XIX centuries in the socio-cultural context*. Leningrad, 1983. P. 193–206. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries. (M. L. Gasparov, V. P. Grigoryev, L. L. Shestakova, Eds.). Vols. 1–5. Moscow, 2000–2017. (In Russ.)
8. Patroeva, N. V. The rhetorical aspect of “Epinikion” by Feofan Prokopovich. *Texts and History*. 2022;3:72–86. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. Theoretical views of Feofan Prokopovich as reflected in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. (In Russ.)
10. Raevskaia, O. V. A look at some types of discursive metonymy. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1999;58(2):3–12. (In Russ.)
11. Sandakova, M. V. On the mechanisms of discursive metonymy of an adjective. *Philological Sciences*. 2004;3:106–112. (In Russ.)
12. Sokolov, A. N. The Poetics by Feofan Prokopovich. *Problems of modern philology: Collection of articles commemorating the 70th anniversary of Academician V. V. Vinogradov*. Moscow, 1965. P. 443–449. (In Russ.)
13. Kopanitsya, L. “Epinikion” by Feofan Prokopovich: revisiting the issue of the textual strategy of panegyric poetry in the eighteenth-century literature. *Literature. Folklore. Problems of poetics: Collection of articles*. Kyiv, 2012. Issue 37, part. 1. P. 156–161. (In Ukr.)

Received: 5 July 2024; accepted: 23 September 2024